

Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперёд.

А.И. ГЕРЦЕН

От Сталина до Соловков

Судьба изобретателя Леонида Курчевского

В «Калининградской правде» 11 декабря прошлого года в очерке «Авиаград» было рассказано об изобретателе безоткатных орудий Л.В. Курчевском, который в 1929 — 1937 годах работал у нас в Подлипках.

Я не знал, кто такой Л.В. Курчевский. И вот решил разобраться, кем же был Леонид Васильевич Курчевский? Прежде чем напомнить читателю его биографию, мне хотелось бы привести выдержку из газеты «Новые Соловки» (такая газета издавалась несколько лет в Соловецком лагере особого назначения. — Авт.): «В 1924 году пароход «Слон» доставил на Большой Соловецкий остров большую группу заключённых. Среди них выделялся не по возрасту и не по чину, а по естественному праву самого умного и характером самого сильного — был среднего роста, бритоголовый, крепко сложенный — человек, который немедленно и в то же время безо всякого указания свыше включился в запущенное хозяйство острова. Назначение на должность не то главного инженера, не то помощника коменданта острова состоялось позже. Это было просто закрепление и без того сложившегося положения вещей. Этот крепкий был Леонид Васильевич Курчевский».

И второй документ из архива ЦК КПСС из книги «На приёме у Сталина». Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924 — 1953 гг.). В записях 26 апреля 1934 года под цифрами 7 и 8 записаны: Ворошилов и Курчевский. Ворошилов зашёл в кабинет к Сталину в 16.50, а затем в 18.40 туда был приглашён Курчевский. Оба они вышли от Сталина в 19.45, то есть Ворошилов был три часа, а Курчевский — час! Это была не просто встреча — представление на назначение, а целая часовая беседа. Вот каков был диапазон этого человека — от Соловецкого лагеря до кабинета И.В. Сталина!

Итак, от Соловков — до кабинета Сталина! А за год до этого — вручение ордена Красной Звезды №116 за заслуги при создании новых типов артиллерийских систем. Курчевский был в числе первых советских граждан, удостоенных этой награды. Триумф незадолго до трагедии! Звезда Курчевского восходила стремительно и так же стремительно упала.

Я постарался проследить жизненный путь Леонида Васильевича и, может быть, повторю какие-то известные читателям вехи деятельности этого уникального человека. Но думаю, среди найденного мною, особенно в Переславле-Залесском музее, удалось обнаружить и неизвестные или малоизвестные факты из жизни талантливого изобретателя.

Леонид Васильевич родился в 1890 году в семье учителя рисования в городе Переславле-Залесском. После окончания школы в 1911 году поступает в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Однако закончил только два курса и был отчислен, как пишут, за неуплату за обучение. В 1916 — 1918 годах заведовал КБ Московского военно-промышленного комитета. В 1918 — 1920 годах возглавляет лабораторию Комитета по делам изобретений ВСНХ и одновременно работает в автосекции транспортного отдела того же комитета. В 1921 — 1922 годах служит в Комиссии особых опытов по звуковой разведке (КОМЗВУК). В 1922 — 1924 годах руководит мастерской автолаборатории при Комитете по делам изобретений. В 1924 году арестован и осуждён «за растрату казённого имущества и средств, предназначенных для создания геликоптера» на 10 лет со ссылкой в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1927 году досрочно освобождён и с 1929 года — главный конструктор завода №8, затем с 1932 года — ОКБ-1 ГАУ в посёлке Калининский (Подлипки). За заслуги при создании новых типов артиллерийских систем награждён орденом Красной Звезды. В 1934 году для выполнения работ по созданию динамореактивных пушек в составе Наркомата тяжёлой промышленности создаётся Управление уполномоченного специальных работ (УУСР) и ему передаётся только что построенный в Подлипках Государственный машиностроительный завод №38. На должность уполномоченного этого управления назначают Курчевского. В 1937 году снова арестован по обвинению в создании перспективных систем вооружения и 23 ноября 1937 года приговорён к высшей мере наказания (по некоторым данным, расстрелян 26 ноября 1937 года, по другим — 12 января 1939 года). Реабилитирован в 1956 году.

Впервые имя Л.В. Курчевского появилось 19 ноября 1920 года в ответе научно-технического отдела ВСНХ на запрос В.И. Ленина. В нём сообщалось, «что Л.В. Курчевский и Б.С. Стечкин предлагают идею «инжектирования воздуха под корму судов» и начали её внедрение в «глиссер», развивающем скорость до 150 км/час». В 1923 году Л.В. Курчевский и сотрудник отдела военных изобретений при ВСНХ С.А. Изенбек подают заявку на изобретение динамореактивной пушки, опытный образец которой испытывали уже в 1924 году. Его изобретения всегда отличались оригинальностью, казалось, всегда, когда ему встречались трудности, он искал не обходные пути, а наоборот, новые решения. А вообще, его первое

изобретение относится к 1915 году, когда он предложил «метательный гранатомёт». Это был необычный прибор — на колесе крепились гранаты. Колесо раскручивалось специальным расчётом до большой скорости, и в нужный момент гранаты освобождались и летели на значительное расстояние, гораздо большее, чем если бы они бросались рукой человека.

В 1919 — 1924 годах, когда он работал в автомастерской, им были построены несколько автомобилей из разноплемённых иностранных агрегатов. Это были и аэромобили с толкающим винтом, и трёхколёсные автомобили, на которых он разъезжал по Москве. Однако за езду по Москве без разрешения, да ещё на таком «драндулете», который создавал страшный шум и рёв, он был арестован на три дня, а машину предложили убрать из Москвы. В Переславле-Залесском он создаёт технико-продовольственную базу, куда и переводит мастерские и все свои изделия. Тут же на реке Трубеж стоит его творение — лодка-глиссер с авиационным мотором. В это время не было бензина. Курчевский придумал смесь спирта-сырца с эфиром и назвал его «ханжа». Такое топливо быстро распространилось между автолюбителями, и скоро все автохозяйства Москвы стали разъезжать на нём. Было трудно достать камеры, а они быстро изнашивались! И тут Курчевский изобретает герметизирующую смесь, которая автоматически затягивала пробойны в шинах. Осенью 1922 года на Ходынском поле он устроил показательные испытания этой смеси. Несколько военных стреляли по шинам автомобиля, который ездил вокруг них. Курчевский сделал 10 кругов и уехал с простреленными шинами в гараж, при этом давление в шинах практически не упало!

Даже в условиях ссылки на Соловецкие острова он нашёл себя и продолжал заниматься творческой деятельностью. В связи с тем, что острова находились далеко от материка, а также для охраны большого количества заключённых нужны были надёжные быстросходные суда, способные плавать в различных условиях (вода, лёд), Курчевский спроектировал и изготовил глиссер. Причём этому событию придавалось большое значение. Если посмотреть подшивку газеты «Новые Соловки» за 1926 год, там увидим несколько статей: 26 марта — «Глиссеры на Белом море»; 18 апреля — Курчевский «На моторной лодке»; 18 апреля — «Соловки — Кемь — Соловки: интервью с инж. Курчевским»; 25 апреля — «Вторая (моторная лодка инженера Курчевского)»; 9 мая — «Флотилия пополняется»; 16 мая и 20 июня — «Лодки Курчевского» и «Корабли Курчевского»; 15 августа — «Ещё одна» (глиссер Курчевского)

Л.В. Курчевский с помощником. 1930-е годы.

и «На пробе (глиссер Курчевского)» и, наконец, 21 ноября — «Курчевский Л. «Топливо будущего: к использованию приливов и отливов Белого моря». В это же время был снят документальный фильм о Соловецком лагере, и в этом фильме есть кадры, посвящённые Леониду Курчевскому и сконструированным им моторным лодкам-вездеходам С-1, как будто бы ледокольного типа, аэроглиссеру С-2 с авиационным мотором для Севморпути. Кроме этого, находясь в заключении, ему удалось доставить на Большой остров опытный вариант пушки ДРП и в присутствии коменданта лагеря продемонстрировать её в действии.

К 100-ЛЕТИЮ КРАЕВЕДА С.П. ЧУЙКО

21 апреля 1985 года. Комиссия по обследованию памятников г. Калининграда и посёлков в составе В.Б. Мишиной, С.П. Чуйко, К.Д. Киселёвой, А.С. Иванина.

Началом моей краеведческой работы в подмосковном Калининграде (а было это более четверти века тому назад) стал телефонный звонок тогдашнему главному архитектору города С.А. Закладному. А позвонил я с целью выяснить координаты местных краеведов. Станислав Андреевич дал, как он сам пояснил, два «основных» номера телефона и сообщил имена

интересующих меня людей: Борис Яковлевич Ежов и Степан Павлович Чуйко.

С той поры два этих имени стали для меня неразделимыми. Тем более что вскоре после нашего знакомства меня пригласили в комиссию по празднованию 400-летия Болшева, куда уже входили и Ежов, и Чуйко. Главный архитектор оказался прав: именно вокруг

«Блок» Ежова и Чуйко

этих двух фигур велась основная научно-методическая работа по сбору материалов, проведению конференции и — как итог — по созданию первого в истории города общедоступного краеведческого музея.

Своеобразный «блок» Ежова и Чуйко был прекрасной иллюстрацией тезиса о «единстве противоположностей». По возрасту их разделяло почти двадцать лет, но у Степана Павловича Чуйко был большой жизненный опыт не только участника Великой Отечественной, но и педагога с большим стажем, что уже само собой подразумевало его глубокие знания в области истории и географии края. Ежов был «трибуном» калининградского краеведения, он сам генерировал идеи, сам разрабатывал и сам же облакал их в практическую оболочку. Чуйко не был мастером длинных и пламенных речей, но его короткие реплики и деликатные замечания по той или иной теме как бы интегрировали сказанное ранее, по сути подытоживая многочисленные заседания юбилейной болшевской комиссии или городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры.

Ещё одним важным качеством, присутствующим у Степана Павловича Чуйко, была, говоря современным языком, удивительная коммуникабельность. Его знали и уважали в самых разных кругах — в краеведческих и природоохранных

обществах, педагогических коллективах, городском Совете ветеранов. Степан Павлович был человеком самокритичным и не без доли юмора рассказывал о довольно известном случае в его практике. Ещё до официального начала перестройки на экскурсию по фабрике «Передовая текстильщица» он пригласил старую работницу, начинавшую свою трудовую деятельность в дореволюционные годы. Как вспоминал сам Чуйко, она, неожиданно для присутствующих, вразрез с официально принятой идеологией, не стала произносить дежурных слов о «плохих капиталистах» и «фабрикантах-кровопийцах», а начала рассказывать о том, как всё было на самом деле. Степан Павлович поначалу хотел было прервать рассказчицу, но... сдержал себя. «Ведь это живой свидетель, — говорил Чуйко, — и значит, всё было не совсем так, как преподносят официальные историки». Повторим: это произошло ещё до «эпохи гласности», и подобные действия Степана Павловича Чуйко заслуживают самого глубокого уважения.

Помню, как после 400-летнего юбилея Болшева Чуйко сказал: «Вот, наша комиссия закончила работу, а ведь встречаться-то надо, есть что обсуждать». Болшевский юбилей сделал своё дело: был создан краеведческий музей на общественных началах. Стали регулярно проводиться заседания

музейного совета. Но именно Чуйко постоянно напоминал нам, что результаты этих заседаний не должны представлять собой лишь традиционные «протоколы мероприятий». Мечтой Степана Павловича было активное, гласное обсуждение музейных проблем с непосредственным участием старожилов города, историков, педагогов, специалистов в области охраны природы. Так при «Калининградской правде» возникла теперь уже знаменитая общественная редакция «Наше наследие». И нет ничего удивительного, что на самом первом, «учредительном» её заседании в сентябре 1986 года в числе участников был и Степан Павлович Чуйко.

В 1990-е годы Степан Павлович по состоянию здоровья всё реже и реже стал посещать мероприятия, организованные краеведами, но всегда был готов обменяться мнениями, когда ему звонили по телефону или приходили к нему домой. Он радовался появлению в 1992 — 1993 годах сразу трёх городских музеев. И в дальнейшем, когда речь заходила о музеях, выставках, экскурсиях, публикациях, в первую очередь вспоминались имена основоположников краеведческого движения в городе. Среди них Степан Павлович Чуйко занимает и всегда будет занимать важное, одному ему присущее место.

Сергей МЕРЖАНОВ